



<sup>2</sup> Согласно ст. 11 положения об общественном молодежном парламенте Рязанской области, утвержденного постановлением Рязанской областной думы от 25.06.2003 г. № 452-ПРОД. Общественный молодежный парламент состоит из представителей молодежных парламентов (дум, советов), созданных при органах местного самоуправления Рязанской области; руководителей (или их представителей) молодежных, детских общественных объединений; представителей молодежных отделений политических партий и движений; представителей учебных заведений высшего, среднего и начального профессионального образования. Представители делегируются от своих организаций (учреждений). Есть также квота для «свободных депутатов», которые собирают подписи в свою поддержку, составляют предвыборную программу.

<sup>3</sup> Например, молодежным парламентом был разработан региональный закон «О молодежи», который впоследствии был принят Волгоградской областной думой.

<sup>4</sup> Именно эти определения были даны в Рекомендациях по развитию молодежного парламентаризма в РФ.

<sup>5</sup> См.: Положение об Общественной молодежной палате при Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации, утвержденной постановлением Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации от 4 июля 2001 года № 1742-III ГД; Регламент Общественной молодежной палаты при Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации, принятый на заседании Общественной молодежной палаты при Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации 28 октября 2002 г.

УДК 339.9(470+571)

## НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК МОТИВАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В.С. Новикова

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: novikovavs@rambler.ru

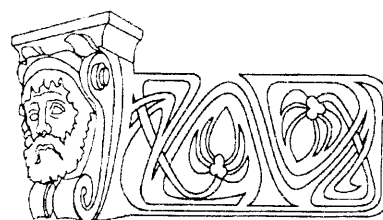
В статье рассматриваются особенности и структура национальных интересов Российской Федерации и их влияние на внешнеэкономические процессы. Проводится обзор различных подходов к определению понятия национальных интересов в рамках научных и политических концепций. Анализируются уровни современного осознания российских национальных интересов на основании чего предлагается новая форма их структурирования, и обосновываются более рациональные варианты подходов к формулированию национальных интересов Российской Федерации.

**The Russian Federation's National Interests as the Motivation of External Economic Processes**

V.S. Novikova

The article is devoted to the examination of national interests of the Russian Federation, their structure and peculiarities and their influence to the external economic process. Different approaches to the definition of the national interests within the bounds of scientific and political conceptions are reviewed. Also the authors analyze the levels of realizing Russia's national interests in the modern period, on the grounds of which the new form of its structure is given and more rational variants of approaches to the formulation of the Russian Federation's national interests are substantiated.

В российской политической жизни существуют «вечные вопросы», которые с определенного момента стали проблемой и для отечественной политической науки: почему в эпоху глобализации экономических, инсти-



туциональных и культурных стандартов демократического образа жизни никакие реформы никак не согласуют «национальный интерес» России с аналогичными интересами ее партнеров по европейской и мировой политике? почему формула этого интереса никак не приобретает вида, соответствующего стандартам европейской либеральной демократии? Чтобы ответить на поставленные вопросы, нужно прежде всего понять, что на уровне логики и структуры отличает формулу российского «национального интереса» от европейских образцов.

У этих образцов был свой специфический генезис, определивший их характер и содержание. С того времени, когда в различных европейских странах стали развиваться капиталистические отношения, условием успеха этого развития стало обладание выходами на внешние рынки и контроль этих рынков. С началом Нового времени внешнеэкономический интерес стал пониматься как важнейшая, можно сказать, структурообразующая часть государственного интереса. Когда в ходе буржуазных революций XVIII и



XIX столетий в Европе победу над государственным абсолютизмом одержали «нации», состоящие из граждан, возникло представление о «национальном интересе» и в его структуре важное место заняли внешнеэкономические проблемы и отношения, как то, что непосредственно определяет материальное положение граждан в буржуазном обществе. Поэтому экономический интерес вообще выглядел в европейском опыте как нечто более-менее самостоятельное от политики, но именно в своей внешнеэкономической части он максимально близко соприкасался с областью политических интересов и решений.

Исторически в Европе XVIII–XIX вв. сформировалось преимущественно политическое понимание национального интереса, в котором мотивация внешнеэкономических связей выглядела также предельно политизированной. Такое понимание в качестве политико-культурной традиции унаследовал и XX в. Однако в этом единстве подхода буржуазная эпоха определила некоторые нюансы. Это были нюансы, на наш взгляд, важные именно для понимания того, как и почему внешнеэкономическая составляющая в структуре современного российского «национального интереса» по-разному позиционируется разными политическими силами.

В понимании «национального интереса», главным образом, как области политических задач и решений по-разному расставлялись акценты над переменными. Одни акценты ставились тогда, когда речь шла об интересах «наций», которые исторически получили выходы на колониальные рынки, и в структуре их «национального интереса» внешнеэкономическая детерминация была первична в сравнении с идеологическими, религиозными и этническими детерминациями. Экономическое взаимодействие с колониями, как, например, показывает опыт Англии и Франции, спланивало в «нацию» граждан всех уровней достатка лучше всяких прав и свобод.

Другие акценты были порождены стремлением найти свое место в континентальной политике тех «наций», которые не получили прямых выходов на внешние рынки (например, Германия, Италия и отчасти Россия) и, напротив, ориентировались на актуализацию в структуре своего «националь-

ного интереса» в основном идеологических, конфессиональных и этнических вопросов.

В советскую эпоху расстановку акцентов определяла политика построения социалистического общества в буржуазном окружении и задача сплочения стран «социалистического лагеря» и «социалистической ориентации». Она содействовала упрочению в отечественной политике позиций традиционного понимания «национального интереса» как комплекса преимущественно идеологических и военно-политических задач. С ними соотношались внешнеэкономические задачи.

Демократические и рыночные реформы в России в последние два десятилетия проходили очень сложным путем, в результате чего в общественном сознании возник довольно широкий спектр трактовок национального интереса. На анализе этих трактовок необходимо остановиться подробнее. Это даст возможность понять, в какой мере радикальный демократический транзит в России повлиял на восприятие политическими субъектами формулы национального интереса и какая роль отведена в этой формуле внешнеэкономическим переменным.

Говорить именно о формуле «национального интереса» можно потому, что вопрос этот получил концептуальное осмысление в отечественной и зарубежной науке. Классической разработкой концепции «национальных интересов» считаются исследования Ганса Моргентау<sup>1</sup>. По его версии, в формулу «национального интереса» закладываются такие переменные, как национальная безопасность, целостность территории государства, неприкосновенность государственных институтов.

Со времени появления этой концепции имеет место тенденция к усложнению формулы, описывающей «национальный интерес» и наблюдается тенденция к смешению акцентов. Специфика научного понимания «национального интереса» здесь зависит не столько от акцента на экономических или чисто политических составляющих, сколько от выбранного конкретным исследователем принципа систематизации учитываемых переменных. А это ведет к формированию в массовом сознании представления о формуле самого «национального интереса» не как



производного от исторического опыта и каких-либо конкретных современных политических и экономических интересов и возможностей, со всеми вытекающими отсюда нюансами, а как о производном от гражданской позиции, методологических предпочтений автора той или иной систематизации факторов, именуемой им «национальным интересом».

Это смещение акцентов, свойственное современному научному толкованию феномена «национального интереса», по ходу демократического транзита восприняла у западной политической науки и отечественная политическая аналитика. Возможно, этому содействовал сам предельно идеологизированный разрыв в 1990-е гг. отечественной политической аналитики с той советской традицией соотношения политических и экономических аспектов «национального интереса», о которой речь шла выше. Может быть, свою роль сыграло то обстоятельство, что отечественной политической науке просто сложно было определиться с устойчивой формулой «национального интереса» в многонациональном по своей природе российском политическом пространстве, которое к тому же интенсивно и конфликтно распалось на части. И отдельные эти части активно позиционировали себя то как независимые субъекты политических отношений, именуемые «национальным интересом», то как субъекты внешнеэкономических отношений, к которым также применялось определение «национальный интерес». С учетом того, что расстановка такого рода акцентов имела часто откровенно симулятивный характер (элиты разного уровня пытались таким образом оказать давление на федеральную власть и поднять статус своей политической субъектности), отечественной политической науке действительно сложно было выработать устойчивую формулу «национального интереса» или хотя бы какой-то общий подход к систематизации факторов, определяющих конфигурацию «национального интереса».

Реально современная отечественная политическая наука свои очень неопределенные подходы к систематизации факторов,

определяющих «национальный интерес» России, постоянно коррелирует с еще более неопределенными и неустоявшимися подходами к этому вопросу виднейших представителей отечественной политической элиты. Показателен в этом смысле анализ позиций лидеров разных политических партий и групп (В.В. Жириновского, Г.А. Зюганова, А.Н. Стерлигова, А.В. Козырева, С.Н. Бабурина, Ю.М. Борадея, А.А. Кара-Мурзы и других), проведенный отечественным политологом Б.В. Межуевым<sup>2</sup>.

Отечественная наука трактует национальные интересы достаточно разнообразно, в силу различий в определении их источников, т.е. в концептуальных подходах. Первая позиция ученых сформировалась на основе концепции евразийства, представляющей Россию необычной страной, связующим центром мира, неким балансом в развитии противоречивого мира. Потому и национальные интересы выдвигаются необычные: расширение геополитических позиций, влияние на большую часть мира или на весь мир, самобытный путь развития. Один из наиболее известных благодаря СМИ политических аналитиков А. Дугин пишет: «Лишь постоянно имея в виду планетарную роль и значение России, можно эффективно и непротиворечиво разбирать и описывать ее внутреннюю геополитическую структуру»<sup>3</sup>. Подобную политическую линию развивает и Э.А. Поздняков, который считает геополитическое положение, геополитические возможности тем фактором для России, из которого «должны брать начало ее ключевые национально-государственные интересы»<sup>4</sup>.

Вторая позиция основывается на соединении интересов общества и государства и, на наш взгляд, носит более реалистичный характер. Она четко обоснована в монографии С.Г. Киселева<sup>5</sup>. В этом подходе Россия признается особой цивилизацией, но нацеливается не на господство в мире, а на сотрудничество и партнерство, с помощью которых она может укреплять свое внутреннее состояние и способствовать упрочению мирных отношений на планете в целом.

Конкретнее определяет совокупность «национально-государственных интересов»



России С.Н. Бабури<sup>6</sup>, подразумевая под ними обеспечение государственной, демографической безопасности; сохранение и развитие культурно-исторических традиций; интересы социально-экономического развития; политические ценности<sup>7</sup>. Особое внимание при характеристике национальных интересов С.Н. Бабури<sup>6</sup> уделил их экономическим аспектам.

Оценивая внешнюю политику России за период 1990-х гг. через призму национальных интересов, позицию совокупности приоритетов общества и государства обосновывает Н.К. Арбатова<sup>8</sup>. Главным национальным интересом Российской Федерации, в котором соединяются общественная стратегия на модернизацию и государственные приоритеты по обеспечению благоприятных для развития страны условий, она называет обеспечение внешней безопасности, а также создание наиболее выгодных внешних условий для жизнедеятельности Российского государства<sup>9</sup>.

Третья, либеральная, позиция в определении мотивации национальных интересов России исходит из оценки ее как страны догоняющего варианта развития, при этом тяготеющей к западно-европейской цивилизации, обязанной войти в нее и принять ее ценности и принципы жизни<sup>10</sup>. При таком подходе внешние национальные интересы превращаются во второстепенные и сводятся к некоторому минимуму, свойственному для стран, действующих на ограниченном международном пространстве. Данная позиция существенно сокращает всегда существовавшие внешнеполитические потребности России: проблемы внутреннего характера, в том числе формирование гражданского общества, становление рыночной экономики, – приоритетны, а международное положение России, ее внешние связи и потребности отходят на задний план и в разряд «национальных интересов» не включаются.

Это та эклектика, которая существует сегодня в научной расстановке акцентов на экономических и политических составляющих «национального интереса» России.

Еще более запутанной является позиция политиков. Традиционной для российской политики является линия на выдвижение на-

циональных интересов в контексте самобытного пути развития России, великодержавности по отношению к большинству стран мира, особой роли России в мировой политике. Подобные (назовем их державно-патриотическими) установки нашли отражение в публикациях таких политиков, как В.В. Жириновский, С.Н. Бабури<sup>6</sup>, Д.О. Рогозин, в программных документах партий ЛДПР, Народной партии, Партии Возрождения России, некоторых других. Различия, имеющиеся в идеологических и политических позициях этих партий, не исключают совпадения их взглядов в понимании национальных интересов России.

На наш взгляд, все предлагаемые политологами и политиками формулы национальных интересов России следует распределить по двум группам: фундаментальные, или неизменные, и стратегические, т.е. относящиеся к стратегии определенного периода, прежде всего, современные. Группа фундаментальных интересов включает в себя обеспечение государственной независимости, политического суверенитета; сохранение территориальной целостности, нерушимость границ государства; обеспечение национальной безопасности, в том числе от угроз и действий международного терроризма; сохранение и развитие культурно-исторических традиций всей совокупности российских народов, в особенности русского народа; укрепление экономического благосостояния общества, повышение уровня жизни народа; восстановление исторического геополитического пространства, укрепление геополитического положения России в качестве великой державы.

Группу стратегических интересов, также важных, но ограниченных во времени видимой для современного состояния перспективой, формируют следующие положения: обеспечение приоритетности отношений со странами СНГ, укрепление с ними союзнических связей; воссоединение большинства стран СНГ в единое демократическое государство; защита прав и интересов соотечественников, проживающих за рубежом; интегрирование в европейское сообщество стран; вписывание в процессы глобализации, в том



числе в экономической сфере; активное участие в международной деятельности по преодолению или разрешению глобальных проблем; расширение взаимодействия с США в борьбе с международным терроризмом; обеспечение развития России по «догоняющему» варианту; недопущение превращения России в сырьевой придаток для экономики других стран; частичный протекционизм во внешнеэкономических отношениях для защиты российских товаропроизводителей и экономики в целом.

Как видим, практически все названные систематизации интересов в той или иной форме косвенно выходят на признание значимости экономического фактора и мотивируют характер и направления внешнеэкономической деятельности государства. Но именно косвенно. В заключение остается ответить на вопрос: существует ли у современной российской политической науки и отечественной политики возможность вернуться к свойственной минувшим столетиям более четкой расстановке акцентов в формулах «национального интереса»? Современное состояние политического и экономического процессов в России таково, что логичным было бы смещение этого акцента во внешнеэкономическую сферу. Этого потенциально требуют и условия глобализации. Этот вопрос имеет непосредственное отношение и к проблеме поиска идеологических идентификаций современного демократического процесса в России. В принципе, существует потенциальная возможность сделать экономические связи вообще и внешнеэкономические, в частности, структурообразующим элементом национального интереса. Но она вряд ли реализуема. Здесь мы не касаемся вопроса о предпочтениях элит и их выборе в пользу той или иной последовательности в расстановке акцентов. Причина имеет более

объективный характер. При современном метании научной и политической мысли между традиционализмом и либерализмом в вопросе систематизации факторов «национального интереса» реально только дальнейшее умножение различных систематизаций переменных величин в формуле «национального интереса» без перспективы выхода на такую формулу, которая действительно могла бы консолидировать политические и интеллектуальные элиты, а также рядовых граждан.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Мореллант Т. Международная политика // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т.2. С.505–507.
- <sup>2</sup> Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск – реальность. М., 2000. С.441–488.
- <sup>3</sup> Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999. С.297.
- <sup>4</sup> Поздняков Э.А. Геополитический коллапс и Россия // Внешняя политика и безопасность современной России: В 2 т. Т.1. Исследования. М., 1999. С.34.
- <sup>5</sup> Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002. С.264.
- <sup>6</sup> Бобурин С.И. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
- <sup>7</sup> Там же. С.458–464.
- <sup>8</sup> Арбатова И.К. Национальные интересы и внешняя политика России: Европейское направление, 1991–1999 гг.: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.
- <sup>9</sup> Там же. С.17–20.
- <sup>10</sup> См.: Мау В.А. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Экономика переходного периода: Сб. избр. работ 1999–2002. М., 2003. С.92–121; Мухеев В. Логика глобализации и интересы России // Pro et Contra. 1999. Т.4, №4. С.49–64; Соловьев Э.Г. Внешнеполитические приоритеты либеральной России // Полис. 2005. №2. С.89–101; Шейнис В. Национальные интересы и внешняя политика России // МЭиМО. 2003. №4. С.33–46; Яковенко И.Г. Российской государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.